Научная статья
DOI: 10.15393/j9.art.2026.17222
EDN: JYPFVB

Семантика названия повести Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича»: этнопоэтический аспект

Г. Ю. Карпенко[1]✉, **А. Кумар**[2]

[1, 2] *Самарский национальный исследовательский университет им. академика С. П. Королева*
(*г. Самара, Российская Федерация*)

1 e-mail: karpenko.gennady@gmail.com✉

2 e-mail: anuragkmonu@gmail.com

Аннотация. В статье впервые исследована семантическая глубина названия повести Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» через призму межкультурного — русского и индийского — понимания смерти. Такой подход обусловлен тем, что основой художественного воплощения танатологической проблемы в повести является «религиозно-философский синкретизм» взглядов писателя. Этнопоэтика позволяет расширить горизонты видения, так как в свете разных традиций в понимании названия повести открываются дополнительные смыслы, не различимые, если оставаться в пределах одного национального контекста. В русском христианском контексте финальность «смерти» восполняется эсхатологическим обещанием воскресения. Для актуализации сотериологического лейтмотива Толстой задействует ветхо- и новозаветные аллюзии, вводя параллели между «домостроительными» заботами Творца и героя, между «сюжетными» линиями Илии, Иоанна Предтечи и Ивана Ильича, жаждавшего в конце жизни «облачения в бессмертие», а также между вечным пасхальным возгласом и радостью героя, что смерти нет. В индийском же представлении «смерть» всегда несет в себе имплицитное «продолжение», поэтому в индийском восприятии не имя героя, а субстанциональное свойство смерти быть продолжением и освобождением придают названию повести сотериологический смысл. В результате функционирования повести «Смерть Ивана Ильича» в пространстве русской и индийской культур происходит то, что можно назвать духовно-семантической компенсацией. Эта компенсация происходит не за счет отрицания смерти, а за счет ее включения в плодотворное поле национальных культур, и, хотя понятийно-гносеологические предпосылки различаются, обе традиции, как русская, так и индийская, преодолевают буквальное значение смерти как прекращения жизни и сходятся в онтологической перспективе спасения и освобождения.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, этнопоэтика, ономапоэтика, семантика названия, культурный код, компаративистика, контексты понимания

© Г. Ю. Карпенко, А. Кумар, 2026

Для цитирования: Карпенко Г. Ю., Кумар А. Семантика названия повести Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича»: этнопоэтический аспект // Проблемы исторической поэтики. 2026. Т. 24. № 4. С. 246–286. DOI: 10.15393/j9.art.2026.17222. EDN: JYPFVB

Original article
DOI: 10.15393/j9.art.2026.17222
EDN: JYPFVB

The Semantics of the Title of Leo Tolstoy's Short Novel "The Death of Ivan Ilyich": an Ethnopoetic Aspect

Gennady Yu. Karpenko[1]✉, Anurag Kumar[2]

[1, 2] *Samara National Research University Named After Academician S. P. Korolev* (*Samara, Russian Federation*)

1 e-mail: karpenko.gennady@gmail.com✉

2 e-mail: anuragkmonu@gmail.com

Abstract. The article for the first time explores the semantic depth of the title of Leo Tolstoy's short novel "The Death of Ivan Ilyich" through the prism of the intercultural — Russian and Indian — understanding of death. This approach is due to the fact that the basis of the artistic embodiment of the thanatological problematic in the short novel is the "religious and philosophical syncretism" of the writer's views. Ethnopoetics makes it possible to expand the horizons of vision, since in the light of different traditions additional meanings open up in the understanding of the title of the short novel, which cannot be distinguished if one remains within the same national context. In the Russian Christian context, the finality of "death" is offset by the eschatological promise of resurrection. To actualize the soteriological leitmotif, Tolstoy uses Old and New Testament allusions, introducing parallels between the providential concerns of the Creator and the hero, between the "life stories" of Elijah, John the Baptist and Ivan Ilyich, who longed at the end of his life "to be clothed in immortality," as well as between the eternal Easter acclamation and the joy of the hero that there is no death. In the Indian view, "death" always carries an implicit "continuation," therefore, in the Indian perception, it is not the name of the hero, but the substantial property of death to be a continuation and liberation that gives the title of the short novel a soteriological meaning. As a result of the reception of the short novel "The Death of Ivan Ilyich" in the space of Russian and Indian cultures, what can be called spiritual-semantic compensation occurs. This compensation occurs not through the denial of death, but through its inclusion in the fruitful field of national cultures, and although the conceptual and epistemological prerequisites differ, both traditions, both Russian and Indian, overcome the literal meaning of death as the cessation of life and converge in the ontological perspective of salvation and liberation.

Keywords: Leo Tolstoy, ethnopoetics, onomapoetics, semantics of the title, cultural code, comparative studies, contexts of understanding

For citation: Karpenko G. Yu., Kumar A. The Semantics of the Title of Leo Tolstoy's Short Novel "The Death of Ivan Ilyich": an Ethnopoetic Aspect. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*], 2026, vol. 24, no. 4, pp. 246–286. DOI: 10.15393/j9.art.2026.17222. EDN: JYPFVB (In Russ.)

Заглавие стало предметом особенно активного и пристального изучения как в теоретическом, так и в практическом плане после выхода в свет работы Н. В. Веселовой «Заглавие литературно-художественного текста: онтология и поэтика» (1998) [Всеселова]. Постепенно поэтика заглавия превратилась «в отдельную отрасль филологии» [Строганов: 55], однако изначальное определение функционально-тематических свойств заглавия, прописанное С. Д. Кржижановским в 1925 г. и опубликованное им в 1931 г. в небольшом исследовании «Поэтика заглавий», остается метафорически емким и эвристически продуктивным до сих пор: «Десяток-другой букв, ведущих за собой тысячи знаков текста, принято называть з а г л а в и е м. Слова на обложке не могут не общаться с словами, спрятанными под обложку. Мало того: заглавие, поскольку оно не в отрыве от единого книжного тела и поскольку оно, в параллель обложке, облегает текст и смысл, — вправе выдавать себя за г л а в н о е книги. <…> …книга и есть — р а з в е р н у т о е д о к о н ц а з а г л а в и е, заглавие же — стянутая до объема двух-трех слов книга» [Кржижановский: 3].

Намеченные С. Д. Кржижановским смыслопорождающие свойства заглавия оказались типологически устойчивыми [Королева]. И в последующем к его основным параметрам так или иначе (независимо или в связи с заданным определением) возвращались исследователи, подтверждая доминантное преимущество заглавия быть проблемно-тематическим ключом прочтения: оно находится в «сильной позиции» [Арнольд: 226–241], является «вершиной в иерархически организованной системе» [Кольцова: 6] и обладает органической способностью быть «катализатором» смыслов произведения, «частью всего и целого» [Скударь].

Вместе с тем А. М. Королева, подводя промежуточный итог становлению поэтики названия как «отдельной отрасли филологии», замечает: «В теории заглавия на данный момент не выработано единой систематизации **функций заглавия**» [Королева: 57]. Но для всех исследователей исходной предпосылкой понимания заголовочного комплекса как значимой ценности текста остается утверждение, что название литературного произведения не может быть нейтральным обозначением и семантически малоэффективной единицей.

Однако заголовок и его текст, находящиеся во взаимообогащающихся отношениях, не могут существовать вне контекстов, их смыслами насыщающих, и быть независимыми от эпохи создания произведения («близкий» контекст понимания) и последующего культурно-исторического времени его функционирования как литературного объекта («далекий» контекст понимания) [Есаулов: 9–12]. И те и другие «контекстные» эпохи придают названию произведения как характерно устойчивые, так и дополнительно интерпретационные смыслы. С другой стороны, название произведения обретает значимость в зависимости от того, какая «предметность», «сущность» вынесены в заголовок: герой, имя («Евгений Онегин»), локация («Петербург»), событие («Война и мир») или аксиологическая категория — базовые ценности человеческого бытия, такие как любовь, жизнь, смерть. Содержание таких категорий (концептов) в большей степени определяется национально-культурным контекстом, духовной традицией конкретного народа и наполняется смыслами в их авторском видении и воплощении: ценности человеческого бытия не могут быть универсально-абстрактными категориями ни в жизненном, ни в художественном выражении [Есаулов: 8].

Базовые ценности, вынесенные в название, не только обозначают сильную и иерархически значимую позицию в произведении, но и связаны с философско-религиозным контекстом, с тем пространством национальной культуры, где «ценность», освящаясь, приобретает статус «аксиологической онтологии» авторского сознания и «оттуда» питает название произведения светоносными смыслами: и если читатель «укоренен» в порождающей его культурной почве, то он данные в авторском

воплощении смыслы «считывает» и узнает как «свои». Поэтому внимание к ним — к широкому аксиологическому контексту — позволяет вскрыть в самом названии (и в тексте) потаенные смыслы, не считываемые ни посредством теоретико-инструментальных методов, ни при помощи технологии «медленного чтения», всегда ограничивающих понимание текста рамками метода и/или рецепции.

Вполне очевидно, что и имя, вынесенное в заголовок, обладает повышенной смыслообразующей активностью и в тексте может быть «говорящим», как утверждал еще Э. Б. Магазаник в книге «Ономапоэтика, или «говорящие» имена в литературе» (1978), не только в риторико-классицистическом значении [Магазаник]. В. Н. Захаров на конкретном примере именования Ф. М. Достоевским своего главного героя в романе «Братья Карамазовы» Алешей показывает, какие ценности, интимно-сакрализованные смыслы может аккумулировать имя, если открыть и увидеть в нем отражение прикровенных, глубоко личностных переживаний. В романе «Братья Карамазовы» имя «Алеша», как доказывает В. Н. Захаров, по своему контекстному наполнению автобиографично [Захаров, 2013: 423] (см. также: [Андрианова, Тихомиров: 257]), а по сюжетно-христологическому исполнению пасхально: «…неожиданная смерть 16 мая 1878 г. младшего сына Алеши, здорового и веселого мальчика. В память о нем назван главный герой романа "Братья Карамазовы"» [Захаров, 2004: 354]; «Если дать прямой ответ на вопрос, кем стал Алексей Федорович Достоевский в романе "Братья Карамазовы", мой ответ очевиден: Алексеем Федоровичем Карамазовым. <…> …имяславием героя Достоевский возглашал бессмертие сына. <…> Танатологическая тема романа пасхальна» [Захаров, 2022: 40].

Аргументированные наблюдения и высказывания ученого о сакрализации имени в романе Достоевского содержат в себе вывод и общего характера: имя в художественном произведении раскрывает свои смыслы не только благодаря этимологическому толкованию, но и в большей степени благодаря более пристальному вниманию исследователей к контексту, как к биографическому, так и к культурно-историческому.

Название повести Толстого «Смерть Ивана Ильича» на первый взгляд может показаться простой декларацией: утверждением основного — биографически итогового для конкретного героя, но по сюжетному развитию повествовательно-начального — события произведения — его смерти. Тем удивительнее тот возникший исследовательский «резонанс», который превратил повесть Толстого в «мировое событие».

Проблематика повести, феномен смерти, семантика имени героя, актуализируемые названием, безусловно, привлекали к себе внимание исследователей. Однако если оставить в стороне описание давно установленных фактографических [Гроссман: 680–681] и автобиографических причин [Воронин: 4], побудивших Толстого вынести в название слово «смерть», и сосредоточиться на исследованиях, в центре рассмотрения которых находятся проблемы художественного освещения писателем данного феномена, то, типологически обобщая, можно выделить две линии его осмысления: с точки зрения «литературности» и с точки зрения вневременного «мирового события» («мирового объекта») [Мамардашвили, Пятигорский: 54–56], открывающего возможность свободного его толкования, от научного и методологически выверенного до индивидуально-личностного и интерпретационного [Сергеев: 37], — но в любом случае соотнесенного «уже с жизнью сознания» [Мамардашвили, Пятигорский: 55].

При реализации первого подхода — при анализе художественной формы повести — болезнь и смерть рассматриваются как сюжетная функция [Переверзева], как «пусковой механизм» и «остраняющий эффект» [Ханзен-Лёве] или как сюжетно-игровой «прием» [Порудоминский], как опорный элемент повествовательной конструкции [Жуков]. При таком подходе болезнь и смерть героя становятся «приемом литературности», организующим и выявляющим смыслы, внутри замкнутого пространства произведения. Они как функционально доминантные элементы сюжета позволяют утвердить итоговую и основную мысль: повесть Толстого «Смерть Ивана Ильича» — это «рассказ о слишком позднем финальном прозрении героя» [Андреева: 78]; это история о жизни как о «проигранной игре»: «Партия, начатая смертью Ивана Ильича,

останется за пределами повести, которая смертью его заканчивается» [Порудоминский: 330].

При втором — аксиологически ориентированном — подходе в центре внимания оказывается смерть героя не только как личное событие, но и как общечеловеческий феномен, как неизбежность, с которой в результате несчастного случая он встречается, до этого живя в свое удовольствие[1] и воспринимая смерть как постороннее событие, как силлогизм логики Кизеветера, не имеющий к нему никакого отношения [Толстой; т. 26: 92–93]. Исследователи, определяя аксиологию смерти Ивана Ильича, предлагают разные варианты ее понимания и ценностного наполнения: она есть «миф о смерти-освобождении», который у Толстого «принимает радикальную гностическую форму» [Назаров, Меситова: 39]; она есть «эпифаническое явление, которое разворачивает предназначение личности, выводя его за пределы только своей жизни и своего страдания» [Касавина: 83]; «медицински и психосоматически конкретизированный» процесс, позволяющий «заглянуть за кулисы цивилизации и за миражи жизни» [Ханзен-Лёве]; «экзистенциальное прозрение», «осознание "человеком" ложности своего существования» [Петрова: 12]; «нравственная умоперемена» [Меситова: 7]; «процесс духовного перерождения (умоперемены) героя» [Гладышев: 61]; «трансформация», «пробуждение эмпатии к родным» [Кондрашова: 72]; «смерть предстает избавлением от порочной жизни, облегчением от страданий и в ней видится ритуальный смысл — очистительно-просветительское начало» [Жиляков, Иванов: 256]; она есть «встреча с "существом из света", или с "лучезарным светом"» [Казак].

В исследованиях танатологической проблемы толстовское понимание смерти рассматривается также и в сближении или с русской религиозно-философской традицией, или с европейской мыслью: Толстой сближается «с М. Хайдеггером, С. Кьеркегором, Ф. Ницше и другими европейскими мыслителями», пересмотревшими классические представления о жизни и смерти [Жиляков, Иванов: 256]; «Именно русская религиозная танатология в лице таких ее представителей, как Л. Н. Толстой, Н. Ф. Федоров, Л. Шестов, С. Н. Булгаков,

[1] Ср.: «…он был очень счастлив <…> и сиял от удовольствия» [Толстой; т. 26: 79].

Н. А. Бердяев, Л. П. Карсавин, А. К. Горский, Н. А. Сетницкий и др., предприняла попытку обосновать оригинальный вариант "этической мифологии смерти", синтезирующей традиции веры и разума» [Назаров, Меситова: 38].

Разнообразие исследовательских подходов, оценок и суждений превратили повесть Толстого «Смерть Ивана Ильича» в «мировое событие» и «мировой объект»: «…независимо от реальной связи, должны быть какие-то два события во внешне разобщенных культурах или личностях, которые являются одним "мировым объектом"» [Мамардашвили, Пятигорский: 56]. Вне всякого сомнения, любой опыт переживания смерти, эмоционально-личностно и/или религиозно-философски оформленный, может быть соотнесен с событием смерти, описанным Толстым. Поэтому на повесть Толстого как на «мировой объект» можно смотреть с любого ракурса, усиливающего «наше» восприятие и понимание феномена смерти, например, если воспользоваться опытом исследователей, «с точки теории нарциссизма, теории объектных отношений, психоаналитической психосоматики» [Цанова: 107], или «в контексте концепции граничных ситуаций К. Ясперса, феноменов "заступания в смерть", собственного и несобственного бытия к смерти М. Хайдеггера, стадий личностного приятия смерти, выявленных Э. Кюблер-Росс на основании психотерапевтической работы с неизлечимыми пациентами» [Касавина: 83].

При всей разности отмеченных исследовательских подходов и всем многообразии выносимых характеристик и определений по поводу «ключевых слов» у них есть одна общая черта: их объединяет взгляд на повесть Толстого «извне» — со стороны категорий «литературности» и/или со стороны социальных, философских, психоаналитических, танатологических представлений той или иной науки.

О необходимости повышенного концентрированного внимания к слову и к имени (в данном случае вынесенных в заголовок) писал А. Ф. Лосев: «В слове, и в особенности в имени, — все наше культурное богатство, накапливаемое в течение веков, и не может быть никакой психологии мысли, равно как и логики, феноменологии и онтологии, вне анализа слова и имени. В слове и имени — встреча всех возможных

и мыслимых пластов бытия <…>. В имени — средоточие всяких физиологических, психических, феноменологических, логических, диалектических, онтологических сфер. Здесь сгущена и нагнетена квинтэссенция как человеческо-разумного, так и всякого иного человеческого и нечеловеческого, разумного и неразумного бытия и жизни» [Лосев: 53].

Вот такая «встреча пластов бытия», отраженных в названии повести, случилась при осмыслении и описании Толстым феномена смерти. Основой художественного воплощения танатологической проблемы в поздних произведениях Толстого, как указывают исследователи духовных взглядов писателя, является синтез различных учений. «Этическая танатология Л. Н. Толстого, — утверждает С. А. Меситова, — представляет собой религиозно-философский синтез античного, христианского и буддистского учения о смерти» [Меситова: 99]. Такое свойство нового толстовского мировидения в конце XIX — в начале XX вв. получило название «миксотеизм». «Под этим именем, — пишет Э. Геккель, — мы можем соединить все те виды богопочитания, которые являют собою смесь различных и отчасти противоречивых религиозных верований. <…> …на практике это — самая важная и замечательная изо всех религий» [Геккель: 150].

Однако, несмотря на, казалось бы, исчерпывающую изученность причин религиозно-философской трансформации мировоззрения Толстого [Гусейнов], выявления конкретного влияния восточных религий на его взгляды [Шифман], круга чтения духовных книг и научной литературы о них [Серебряный], вопрос об особенностях художественного воплощения «миксотеистических» взглядов в повести «Смерть Ивана Ильича» остается открытым и до конца не проясненным. В решении данного «восточного» вопроса в толстоведении речь идет о том, что «в повести "Смерть Ивана Ильича" <…> находят свое выражение новые религиозные убеждения Толстого» [Гладышев: 53], что в ней преобладает «идеологическая программа народных рассказов» [Лученецкая-Бурдина: 191], «православная, народная точки зрения» [Андреева: 78]. О. А. Ханзен-Лёве, стремясь выявить библейские аллюзии в повести, нашел в ней только пародийные переклички, соотнеся «лесенку»

Ивана Ильича, с которой он случайно упал и «боком стукнулся об ручку рамы» [Толстой; т. 26: 79], с «лестницей Иакова» (и мимоходом соотнес ушибленный «бок» героя с «косвенным следом» Евы — ее сотворение из ребра Адама). Если в Библии о лестнице Иакова говорится: «Ангелы Божии восходят и нисходят по ней» (Быт. 28:12), — то О. А. Ханзен-Лёве считает, что Толстой пародирует священный текст: «Иван Ильич упал с небесной лестницы» [Ханзен-Лёве].

Попытку осмыслить «танатологический синтез» — проявление восточных, античных и христианских мотивов в повести «Смерть Ивана Ильича» — предпринимает С. А. Меситова. Но ее размышления о буддистских мотивах в повести не носят аргументированного характера, а сводятся к общему утверждению: «Существенное влияние на учение Л. Н. Толстого оказало буддистское понимание смерти. Л. Н. Толстой заимствовал из буддистской философии, прежде всего идею иллюзорности смерти. В основе буддистской танатологии лежит идея о незнании человеком истинной природы вещей, и, прежде всего, <…> черты танатологии буддизма характерны для толстовского учения о смерти: это отрицание безусловности телесной жизни, признание ее иллюзорности, утверждение приоритета духовно-нравственного основания человеческой жизни как возможности преодоления смерти» [Меситова: 98].

Если в целом говорить о современном состоянии изучения воплощенного в повести «Смерть Ивана Ильича» художественного синтеза христианских и индо-буддийских представлений, ставших новой мировоззренческой «исходной точкой» в решении Толстым танатологической проблемы, то данное состояние можно обозначить как начальный этап в изучении феномена смерти в свете русской и индийской духовных традиций [Кумар] и как исследовательское намерение обозначить проблемную и актуально-перспективную тему: «Особая тема — взаимодействие христианских и буддийских мотивов у Толстого…» [Петрова: 15].

Другими словами, событие смерти Ивана Ильича является не только «мировым событием» и «мировым объектом», но и «сложным объектом», требующим от исследователей,

желающих постичь ценностные глубины произведения, использования понятий двух этнопоэтик — русской и индийской.

Как справедливо пишет О. В. Зырянов, в русской науке о литературе в начале 1990-х гг. необходимость обращения к этнопоэтике, предмет которой — своеобразие национальной литературы, — обосновал В. Н. Захаров [Зырянов: 10]. В своих работах В. Н. Захаров определил проблемную задачу этнопоэтики, которая «должна изучать национальное своеобразие конкретных литератур, их место в мировом художественном процессе. Она должна дать ответ, что делает данную литературу национальной, в нашем случае — что делает русскую литературу *русской*» [Захаров, 1994: 9]: «Ее характеризуют концепты и концептосферы, они формируют менталитет, выявляют культурный код национальных литератур» [Захаров, 2020: 7]. Свою статью «Идея этнопоэтики в современных исследованиях» В. Н. Захаров завершает словами: «У этнопоэтики обнадеживающие перспективы» [Захаров, 2020: 13].

Такая перспектива открывается при описании семантики названия повести Толстого «Смерть Ивана Ильича». Ее особенность, как будет раскрыто ниже, заключается в том, что писатель задействовал два ценностных кода в освещении танатологической проблемы — преобладающе русский и подспудно индийский. «Религиозный синкретизм» Толстого побуждает посмотреть на базовый концепт повести с двух точек зрения, осмыслить его в свете категорий этнопоэтики (которая тесно связана с исторической поэтикой [Шайтанов: 11–12]), с использованием понятий русской и индийской духовных традиций. Необходимость задействовать категории «онтологической поэтики в ее этноконфессиональном измерении» [Зырянов: 11] обусловлена двумя обстоятельствами. Первое: тем, что базовый концепт «смерть» воплощен в повести с опорой на христианские и индийские (в разной степени индуистские и буддийские) представления. Второе: повесть Толстого «Смерть Ивана Ильича» — произведение, близкое индийскому менталитету: базовый концепт, вынесенный в название и имеющий в повести «индийский след», легко воспринимается и прочитывается в духовных категориях индуизма и буддизма. Этнопоэтика позволяет расширить горизонты видения, так как в свете разных традиций

в понимании названия повести и содержания события смерти открываются дополнительные смыслы, не различимые, если оставаться в пределах одного национального контекста.

Такого проблемно-методологического обоснования достаточно, чтобы утвердить перспективную возможность рассмотрения повести Толстого «Смерть Ивана Ильича» в двойном этноконфессиональном измерении — с целью выявления специфических смыслов заголовочного концепта повести, порожденных духовными национальными традициями, а не только научными и/или метафизическими рассуждениями, в полной мере данных традиций не учитывающими.

Без всякого сомнения, русский этнопоэтический код в повести является основным и преобладающим. Он, что существенно, дает о себе знать в ориентации на исходную библейскую картину мира и на ветхо- и новозаветные образы и мотивы. Исследователи обратили внимание на социально-критическую направленность повести, но не заметили толстовского соотнесения стараний Ивана Ильича по домоустройству с усилиями Господа в дни творения. Так, Толстой, рассказывая о домостроительных заботах Ивана Ильича — «он столько труда положил на устройство» [Толстой; т. 26: 80], — вводит «библейскую» оценку сделанному. В Библии произведенное Господом в дни творения многократно сопровождается оценкой:

«И увидел Бог, что *это* хорошо» (Быт. 1:8, 10, 12, 18, 21, 25).

Подобный лейтмотив — «что это хорошо» — звучит и в повести в связи с деятельностью Ивана Ильича по благоустройству дома и описанием жизни «по его вере» [Толстой; т. 26: 80] (с сохранением «библейского» союза «И», соединяющего в гармоничное целое составные части бытия, и многократным «хорошо»):

«…было очень хорошо» [Толстой; т. 26: 80];
«Всё было хорошо», «…и всё было хорошо» [Толстой; т. 26: 81];
«И всё шло так, не изменяясь, и всё было очень хорошо» [Толстой; т. 26: 82].

Библейская «рама» придает всему повествованию о жизни и смерти Ивана Ильича другой уровень освещения и обобщения[2]: жизнь Ивана Ильича протекает не только внутри социального мира, но и в масштабе Творения, в присутствии прикровенного Бога, в котором герой до последних дней свой жизни не нуждается. Однако авторская кодификация Его присутствия, проявляющая себя в тонких, но узнаваемых отсылках к Библии, намечает внутри повествовательной структуры перестройку ценностно-иерархических отношений с социальных и эгоистических на теоантропоцентричные, которые высвечивают «обратную перспективу», влекущую «к освобождению и духовности» [Флоренский: 98]:

> «Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем не как Я хочу, но как Ты» (Мф. 26:39).

В таком «измерении» человека обнаруживает себя субстанциональный характер повествования, суть которого — в рассказывании об истории жизни не только конкретного человека, но и «сына человеческого»: повесть — это слово о родословии человека не только по крови, но и по духу.

В силу особенностей индийского менталитета — субстанционального характера мироощущения индуса (как бы в присутствии Бога/Брахмана) — содержание повести Толстого «Смерть Ивана Ильича» «считывается» как узнаваемое, близкое по проблематике и актуализируемым концептам (привязанность, страдание, смерть, освобождение). Повесть в контексте индуизма и буддизма воспринимается индийским читателем в оригинале, если он знает русский язык, и на хинди как своеобразная буддийская аллегория, как иносказательное утверждение посредством образной реальности еще большей — высшей — реальности, той незыблемой, вечно пребывающей истины духа (в категориях индуизма и в персонифицированном

[2] Художественная установка на обобщение, как пишет Л. П. Гроссман, заметна при работе Толстого над повестью: «Из окончательной редакции удаляется ряд конкретных деталей в целях придания вещи большей обобщенности» [Гроссман: 685]. Но такая обобщенность, нужно отметить, достигается многомерным способом — в том числе за счет религиозно-философских аллюзий — и имеет вполне определенную духовную направленность, соотносящую человека не только с критикой социального, но и с вечностью идеального.

выражении — Брахмы), которая открывается человеку как сердечное знание на путях его испытания и постижения-откровения Истины.

С другой стороны, история Ивана Ильича подается Толстым в социально-бытовом измерении как обыкновенная, как жизнь, протекающая в череде удовлетворения меркантильных, но приятных чиновничьих и семейных желаний[3]. Таким простым и обыкновенным представляется на первый взгляд и название повести «Смерть Ивана Ильича» (с заложенным в него комплексом «ужасного»). В понимании названия повести — первого слова — у читателя, казалось бы, не должно возникнуть никакого затруднения. Однако под кажущейся очевидностью смысла названия скрывается сложная семантическая проблема, которая обнаруживает себя в том, что слово «смерть», соотнесенное с разными контекстами, даже на уровне здравого смысла допускает различные трактовки и может быть даже альтернативно понято. О какой смерти идет речь? Биологической? Нравственной? Духовной? Эсхатологической? Кроме того, если учитывать функционирование повести «Смерть Ивана Ильича» в русской и индийской читательской среде, то возникает естественный вопрос: как в различных культурах ценностно — религиозно и философски — оформляется смерть? И именно в свете национальных представлений о смерти открывается, что семантическое содержание названия не исчерпывается событием смерти героя повести: оно, однозначное в социально-ритуализированном отношении, просвечивается богословскими и онтологическими смыслами.

В дальнейшем предлагается раскрыть сущность «заглавного» слова «смерть» с точки зрения национальных теологических представлений, поскольку как в русской, так и в индийской культурах смерть на уровне духовных традиций не рассматривается как абсолютный конец, как физическое уничтожение, а скорее как пасхальный/кармический переход.

[3] Ср.: «Прошедшая история жизни Ивана Ильича была самая простая и обыкновенная и самая ужасная» [Толстой; т. 26: 68].

Понятия «смерть» (smert')[4] в русском языке и मृत्यु[5] «мритью» (mrityu) или मौत[6] «маут» (maut) на хинди/урду на первый взгляд могут показаться типологически эквивалентными (даже по созвучию: smert' — мритью): ведь речь идет о прекращении физически и материально зримой жизни определенного человека «здесь и сейчас». На уровне обыденного восприятия — в обеих традициях — слово «смерть» конкретно и обозначает экзистенциальное отчаяние и физическое разложение. Однако в соответствующих теологических и метафизических контекстах оно несет насыщенные онто-аксиологические смыслы. И как раз в повести «Смерть Ивана Ильича» присутствуют такие теологические мотивы, связанные с кенозисом (умалением и самоотвержением) и агапе (любовью), которые обеспечивают духовно-семантическую компенсацию страха биологического, замещая социальный и экзистенциальный ужас смерти просветлением.

Лингвистическая «поверхность» названия предполагает однозначность смысла и понимания, но его метафизические «резонансы», возникающие в атмосфере разных национальных культур, подразумевают многозначность и глубину. Такая семантическая двойственность находит выражение в двух дополняющих друг друга национальных парадигмах, позволяющих преодолеть лингвопсихологическую однозначность:

[4] Славянское/русское слово «смерть», как указывает М. Фасмер, этимологически не содержит в себе отрицательных коннотаций: «…слав. *sъ-mьrtь следует связывать с др.-инд. su- "хороший, благой", первонач. "благая смерть", т. е. "своя, естественная"…» (Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1987. Т. 3: (Муза — Сят). С. 686).

[5] «Мритью» (मृत्यु) — санскритское слово, обозначающее смерть; оно происходит от санскритского корня √mṛ (मृ), который означает «умирать», «гибнуть» или «распадаться». Этот термин тесно связан с санскритским словом mṛt (मृत्), означающим землю или глину. Поэтому в ведической традиции «мритью» подразумевает не просто прекращение жизни, но «возвращение в землю» — возвращение тела к его стихийным элементам.

[6] Слово «маут» (मौत / موت) восходит к арабскому корню mawt (مَوْت), который в индийском восприятии означает «смерть», «кончину» с коннотацией «сдох». Этот термин был перенесен из арабского в классический персидский язык как *mawt*. «Маут» обычно употребляется в хинди и урду для обозначения смерти в негативном значении. Поэтому переводчик, постигший глубинный смысл смерти Ивана Ильича, ментально не мог использовать слово «маут», а выбрал «мритью».

русская христианская традиция, которая трактует смерть как предстояние перед Богом на Страшном суде и как потенциальное воскресение, и индийские религиозно-философские практики, в которых смерть представляется либо как необходимая трансформация в цикле самсары (перерождений), либо как итоговый повод для мокши (освобождения/спасения), — обе традиции хотя и по-разному «окультуривают» смерть, но сходятся в онтологической перспективе спасения и освобождения.

Итак, по отношению к базовым ценностям, какой является смерть, в национальных культурах действует духовно-семантический компенсаторный «механизм»: там, где первичный поверхностный смысл подразумевает только отрицание (смерть как исчезновение), то там же культурно-религиозный «субстрат» восстанавливает экзистенциальную значимость и напряженность события смерти как преображения. Таким способом в общественном пространстве и восприятии содержание «заголовочного» слова полнится и лексической простотой, и духовно-семантической сложностью.

О чем конкретно идет речь?

В русском языке высказывание «Смерть Ивана Ильича», если актуализировать его первое слово и оценивать его как информацию, как «клинический факт», звучит предельно танатологически прямо и откровенно жестоко — с утверждением безысходности и надежд на спасение (его больше нет, он уже не есть), а с включением смыслов ближайшего эпизода о претензиях сослуживцев занять освободившееся место умершего — цинично и почти зловеще (смерть другого для них благо). Действительно, если воспринимать смерть Ивана Ильича с точки зрения «заинтересованного» и его сословно-чиновничьих желаний занять «доходное место»[7], то такое восприятие

[7] Толстой в повести описывает родословие таких «заинтересованных» людей, их деятельность и особенности «доходного места»: «Иван Ильич умер 45-ти лет, членом Судебной палаты. Он был сын чиновника, сделавшего в Петербурге по разным министерствам и департаментам ту карьеру, которая доводит людей до того положения, в котором, хотя и ясно оказывается, что исполнять какую-нибудь существенную должность они не годятся, они всё-таки по своей долгой и прошедшей службе и своим чинам не могут быть выгнаны и потому получают выдуманные фиктивные места и нефиктивные тысячи от 6-ти до 10-ти, с которыми они и доживают до глубокой старости. Таков был тайный советник, ненужный

выводит воспринимающего за пределы национальной духовной традиции (смирения и почитания) и погружает в атмосферу своекорыстия и социального лицемерия: человек в присутствии смерти «другого» выбирает «вторичные», выгодные для себя эгоистические ценности. Однако если не сосредоточивать познавательного внимания на первом слове, а учитывать при восприятии названия семантику и богословие имени и отчества героя, то в рамках православного культурного воображения «регистрация факта смерти» умаляется, но умаляется не изолированной силой имени, а тем Светом, которым это имя озаряется, — Светом Господа:

> «Учение Христа есть свет. Свет светит, и тьма не обнимает его» [Толстой; т. 23: 450].

В. Н. Захаров совершенно справедливо пишет о духовном символизме имен героев: «Русские писатели охотно крестили своих литературных героев, давая им неслучайные христианские имена и фамилии. Символический смысл их имен не всегда очевиден читателю, нетвердо знающему общехристианские и православные святцы» [Захаров, 1994: 9].

Архимандрит Никифор в популярной библейской энциклопедии конца XIX в. раскрывает значение имен «Иван» и «Илья»: Иоанн (Иван) — «благодать Божия»[8]; Илия — «Мой Бог — моя крепость, или Бог есть Господь»[9]. Уже в таком расширительном восприятии имени и отчества героя — Иван Ильич — происходит соотнесение не только имени и отчества, но самой смерти с Богом. А сопряжение мирского и божественного в имени героя неизбежно отсылает к первоисточникам — к Священному писанию и преданию, где эти имена получили в жизни их первоносителей свое «сюжетное» наполнение и «оттуда» последующее освящение в веках, в национальной традиции.

член разных ненужных учреждений, Илья Ефимович Головин» [Толстой; т. 26: 68–69].

[8] [Никифор, архимандрит]. Иллюстрированная полная популярная библейская энциклопедия: в 4 вып. Труд и издание архимандрита Никифора. М.: Тип. А. И. Снегиревой, 1892. Вып. 2: Ж — Л. С. 42 [Электронный ресурс]. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003927589?page=23&rotate=0&theme=white&inversion=off (22.03.2026).

[9] Там же. С. 91.

«Иван» как русская форма имени Иоанн побуждает прежде всего обратиться к евангельскому контексту: к деяниям Иоанна Крестителя и к слову Иоанна Богослова[10], — и найти в них соответствующие повести Толстого смыслы, сюжетные параллели и мотивные подсветки. Иоанн Креститель как метасюжетный герой повести Толстого в мистической и вечно длящейся истории является носителем той Истины, которая еще скрыта от всех. Он — Предтеча, призванный подготовить народ к восприятию Истины и призывавший «к покаянию в грехах и исправлению жизни»[11]:

«…покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное» (Мф. 3:2).

Имя «Иван» есть символический крест героя; оно таит в своей звуковой оболочке «внутреннюю форму» [Потебня: 22–24], содержит в себе (если оставаться в пределах евангельской традиции) потенциальный сюжет развития от «внешнего» к «внутреннему», порыв к сокровенным смыслам писания и предания: «Звук становится намеком, *знаком прошедшей мысли*» [Потебня: 137].

Отчество «Ильич», «сын Илии», напоминает о ветхозаветном пророке Илии. С ним связаны два «контаминирующих» мотива, которые дают о себе знать в повести «Смерть Ивана Ильича».

В Ветхом Завете, в Четвертой книге Царств, Илия имеет отношение к развитию мотива падения, болезни и смерти нечестивого человека, поклонявшегося Веельзевулу и воспринимавшего «нечистого» как врачевателя и спасителя:

[10] Здесь при имени Иоанна Богослова и далее при упоминании имени апостола Павла не должен возобладать известный факт о резко отрицательных высказываниях Толстого о них [Толстой; т. 23: 164, 478]. Речь в статье идет не о «русской идеологии», а о православно-художественном сознании, обладающем в своих глубинных основах «мирящим» свойством, как об этом писал еще «неистовый Виссарион» — В. Г. Белинский: «…вечная любовь никогда не оставляет чад своих <…>… И над их могилою совершается торжество примирения: человечество благословляет их память, и повестию о их страданиях не возмущается против жизни, а мирится с нею в умиленном сердце, и укрепляется в силе…» [Белинский: 413].

[11] Никифор, архимандрит. Иллюстрированная полная популярная библейская энциклопедия. Вып. 2. С. 92.

> «Охозия же упал чрез решетку с горницы своей, что в Самарии, и занемог. И послал послов, и сказал им: пойдите, спросите Веельзевула, божества Аккаронского: выздоровею ли я от сей болезни?» (4 Цар. 1:2).

Именно Илия передает послам слова Господа, которые ему донес «Ангел Господень»:

> «…и скажи им: разве нет Бога в Израиле, что вы идете вопрошать Веельзевула, божество Аккаронское? За это так говорит Господь: с постели, на которую ты лег, не сойдешь с нее, но умрешь» (4 Цар. 1:3–4).

«Выздоровею ли я от сей болезни?» — этот же вопрос мучил и героя повести Толстого, упавшего в «горнице своей» и уповавшего в своем выздоровлении на врачей:

> «Для Ивана Ильича был важен только один вопрос: опасно ли его положение, или нет?» [Толстой; т. 26: 84].

И слова Господа, переданные Илией послам, становясь в веках метафизическим посланием каждому, кто поклоняется не тому богу, имеют предупредительный характер и для Ивана Ильича: «…с постели, на которую ты лег, не сойдешь с нее, но умрешь».

С другой стороны, Илия — это тот пророк, кто осознал свое недостоинство:

> «…и просил смерти себе и сказал: довольно уже, Господи; возьми душу мою, ибо я не лучше отцов моих» (3 Цар. 19:4).

Такого покаяния и доверия Богу было достаточно, чтобы Илия, не испытав смерти, был вознесен на небо:

> «…жив Господь и жива душа твоя! <…> …и понесся Илия в вихре на небо» (4 Цар. 2:2, 11).

Толстой изображает своего героя перед самой смертью не в исполнении, а в преддверии такого покаяния. Иван Ильич вдруг осознает, что «невидимая непреодолимая сила» «просовывала» его «в эту черную дыру», «что он не может пролезть в нее. Пролезть же ему мешает признанье того, что жизнь его была хорошая. Это-то оправдание своей жизни цепляло

и не пускало его вперед и больше всего мучало его» [Толстой; т. 26: 112].

В свете евангельского контекста выбор Толстым имени и отчества своего героя представляется не случайным, а духовно мотивированным: в Новом Завете «под именем Илия разумеется Иоанн Креститель»[12]. Он придет «в духе и силе Илии» (Лк. 1:17), или, как говорит Христос, «Илия уже пришел…»:

> «Тогда ученики поняли, что Он говорил им об Иоанне Крестителе» (Мф. 17:12–13).

Такая духовная парность библейских имен «Иоанн» и «Илия», которая центрируется христологической идеей о преодолении смерти и страха смерти, имеет сотериологическое содержание и становится первоначальной матрицей понимания, основой этнопоэтики имени главного героя повести Толстого. Следовательно, полное имя «Иван Ильич» должно быть истолковано в первую очередь как пророческое указание: герой, переживающий свое «тридневие» («три дня не перестававший крик» [Толстой; т. 26: 112]), предназначен не просто к физической смерти, но к встрече с «метанойей» — с чудом радикального преображения ума и сердца. Его смерть — это не только конец, но и очищение, сродни крещению и/или мученичеству, т. е. — свидетельствованию об Истине, которая в свете откровения не подлежит изменению:

> «Я есмь путь и истина и жизнь…» (Ин. 14:6).

И этот миг откровения, постижения Истины переживает Иван Ильич:

> «…значение этого мгновения уже не изменялось» [Толстой; т. 26: 113].

Таким духовно-семантическим способом, основанном на свидетельствовании и предании, именование не указывает на смерть героя, представляющего чиновничье сословие, а несет в себе пророческий символизм. Благодаря имени и отчеству в их библейско-христианском значении — Иван

[12] Никифор, архимандрит. Иллюстрированная полная популярная библейская энциклопедия. Вып. 2. С. 44.

Ильич — в названии повести кодируется возможное «другое» событие, заданное евангельской традицией и мироощущением.

Толстой о спасительной для героя перемене рассказывает на последних страницах повести, где экзистенциальная мука Ивана Ильича преображается в сострадание и светлое освобождение: предпоследние минуты жизни Ивана Ильича отмечены страхом, отчаянием, а последние — неожиданной ясностью:

> «Он искал своего прежнего привычного страха смерти и не находил его. Где она? Какая смерть? Страха никакого не было, потому что и смерти не было.
>
> Вместо смерти был свет. <…> "Кончена смерть, — сказал он себе. — Ее нет больше"» [Толстой; т. 26: 113].

Последний возглас Ивана Ильича: «Так вот что! <…> Какая радость!» [Толстой; т. 26: 113], за которым следует ощущение, что смерти больше нет, — все это напоминает слова из Первого послания к Коринфянам апостола Павла:

> «Говорю вам тайну: не все мы умрем, но все изменимся вдруг, во мгновение ока, при последней трубе <…>. Когда же тленное сие облечется в нетление и смертное сие облечется в бессмертие, тогда сбудется слово написанное: поглощена смерть победою. Смерть! где твое жало? ад! где твоя победа?» (1 Кор. 15:51–55).

Здесь смерть как физическое исчезновение становится менее значимой, чем состояние освобождающегося самосознания, дорастающего в момент смерти до онтологии откровения — до бессмертия.

Проекция библейского текста на повесть Толстого усиливается и в связи с мотивом обдергивания одежды, желания нового «облачения», а в духовном смысле и в перспективе — «облечения в бессмертие»:

> «Он <…> обдергивал на себе одежду. Ему казалось, что она душила и давила его» [Толстой; т. 26: 111].

В Четвертой книге Царств ученик Илии Елисей, ставший свидетелем вознесения своего учителя на небо, жаждущий духовного просветления, желает освободиться от прежней одежды и наследовать одежду Истины:

«И схватил он одежды свои и разодрал их на две части. И поднял милоть Илии…» (4 Цар. 2:12–13).

В Библии (в Ветхом и Новом Завете) носителями нового облачения — «одеяния Истины и благодати» — были пророк Илия и Иоанн Предтеча. Как и пророк Илия (4 Цар. 1:8):

«…Иоанн имел одежду из верблюжьего волоса и пояс кожаный на чреслах своих…» (Мф. 3:4).

Итак, библейский контекст должен считаться исходной и надежной почвой этнопоэтического понимания имени героя повести Толстого — Иван Ильич.

К сожалению, в научной литературе дальше номинативного объяснения имени героя дело не идет. Даже такой чуткий к слову толкователь русской классики, как В. В. Набоков, ограничился очевидным пояснением: «Иван, конечно же, — русский вариант древнееврейского имени Иоанн, что в переводе означает: "Бог благ, Бог милостив". Ильич — сын Ильи; это русский вариант имени "Илия", которое переводится с древнееврейского как "Иегова есть Бог"» [Набоков: 308].

Примечательно, что переводчик А. Курт исключил и не перевел фразу, значимую как для набоковского понимания образа Ивана Ильича, так и смысла повести, заменив ее знаком пропуска «<…>»:

"Ilya is a very common Russian name, pronounced very much like the French *il y a*; and Ilyich is pronounced Ill-Itch — the ills and itches of mortal life" [Nabokov: 237].

«Илья — очень распространенное русское имя, произносимое почти точно как французское *il y a*; а Ильич произносится как *Иль-ич* (Ill-Itch) — недуги / болезнь (ill) и зуд (itch) смертной жизни» (перевод А. Кумара).

Французское "il y a" наиболее распространенная безличная конструкция, которую можно перевести в данном смысловом контексте как «есть», «имеется». В. В. Набоков указывает тем самым на возможность расширительного толкования имени героя за пределами ономастики русского языка и религиозной традиции. Но французско-английская игра слов и возникающие в связи с этим смыслы: Иван Ильич (Ilitch — Ill-Itch — the ills and itches) — это тот, кто болен, испытывает недуг, зуд от смертной жизни, — нисколько не противоречат этнопоэтике имени,

его христологической семантике и даже поддерживают развитие сюжета, направленного на спасение души, особенно мотивом зуда, который в библейском контексте согласуется с мотивом совлечения с себя сдавливающей одежды, обветшавшей плоти.

Развитие сюжета болезни, умирания, смерти и просветления героя, хотя и структурируется ветхо- и новозаветными мотивами, которые контекстно легко узнаются, все-таки сопряжено еще и с другой традицией — восточной (юго-восточной). В повести — в изображении жизни героя и в освещении танатологической проблемы — сказываются и духовные результаты поиска Толстым «нового мироощущения». В нем отразилось увлечение Толстым индуизмом и буддизмом, которые помогли ему преодолеть кризис «разумного знания» [Толстой; т. 23: 34] и прийти к ответу на вопрос, связанный с «арзамасским ужасом» смерти [Толстой; т. 83: 167–168]:

> « —Какой смысл, не уничтожаемый смертью? — Соединение с бесконечным Богом, рай» [Толстой; т. 23: 35].

В. В. Зеньковский раскрывает содержание «нового мироощущения» Толстого следующим образом: «*И* хотя Толстой на этом пути пошел за Христом, но и учение Спасителя и Его личность он понял по-своему <…>. Он говорит: "восстановление из мертвых бывает не плотское и не личное… соединяясь с Богом, *достигшие восстановления из мертвых, перестают быть личностями*. <…> Христос учит спасению от жизни личной"» [Зеньковский: 33–34].

Но Толстой в преодолении страха смерти и в решении вопроса о бессмертии «на этом пути пошел» не только за Христом: его понимание бессмертия «по-своему» имело и восточные корни. На «восточный след» в повести Толстого указал в лекциях о русской литературе В. В. Набоков: «Согласно философии Толстого, смертный человек, личность, индивид, человек во плоти физически уходит в мусорную корзину Природы, дух же человеческий возвращается в безоблачные выси всеобщей Божественной Любви, в обитель нирваны — понятия, столь драгоценного для восточной мистики» [Набоков: 308]. Переводчик А. Курт при передаче «восточной» мысли В. В. Набокова усилил буддистский мотив и слова оригинала «abode of neutral

bliss» передал не как «обитель нейтрального блаженства», а как «обитель нирваны» [Nabokov: 237].

Концепция смерти, воплощенная Толстым в повести «Смерть Ивана Ильича», не чужда индийской метафизике. Индуизм рассматривает смерть не как конец, а как перевоплощение души. Душа (Атман) считается вечной и неразрушимой, а тело — лишь временным сосудом, в котором обитает душа. После смерти душа покидает старое, изношенное тело и входит в новое, продолжая свой путь по самсаре (круговорот рождения, смерти и перерождения). О чем проповедует Кришна в «Бхагавад-гите» (2:20):

> «Он никогда не рождался и никогда не умрет;
> Он не появляется и не исчезает;
> Он просто есть всегда:
> Неизменный, Изначальный, Сущий;
> Когда погибает тело,
> Он остается как есть»[13].

Грамматика индийских философских языков сама по себе сопротивляется метафизической замкнутости. Семантическое поле «мритью» (смерть) сосуществует с предположением о перерождении (пунарджанма) или освобождении (мокша), в зависимости от кармических условий. В то же время, каким бы ни был кармический исход, сам Атман остается вечным. Атман — это единое «двухмерное» сущностное «Я» человека, выражающее его высшее абсолютное самосознание и в этой форме совпадающее с абсолютным бытием, с «сияющим бессмертным Брахманом»: «Это сияющий Брахман, бессмертный, все миры содержатся в нем и ни один не выходит за его пределы» [Радхакришнан: 137]. С точки зрения индуистского мышления слово «маут», помимо сниженных коннотаций, может вызывать печаль, так как пробуждает чувство утраты «сегодняшнего человека», но «мритью» подразумевает субстанциональную непрерывность. В индуизме и буддизме смерть «эго» или созданного «я» «anātman» (анатман) не только ожидается, но и необходима для пробуждения:

[13] Бхагавад-гита. М.: АСТ, 2020. С. 22.

«Знающий бессмертного Брахмана [я] бессмертен»[14].

Позднее осознание Иваном Ильичом того, что он жил неправильно, и его последняя бескорыстная забота о своей семье отражают момент кармической трансформации в смерти, которая становится освобождением: он не умирает, а освобождается от заблуждений ложной жизни. В буддизме это позднее прозрение Ивана Ильича напоминает пробуждение *джн̃а̄ны* (самопознания). Аналогичным образом, в ведантийской философии семантика «смерти» не является абсолютной. Смерть не означает конец бытия, а представляет собой переход внутри онтологического потока *сансā̄ры*. Катха упанишад (1.2.18) утверждает:

«Просвещенный ни рождается, ни умирает, он ни [возник] откуда-либо, ни стал кем-либо;

Нерожденный, постоянный, вечный, изначальный он не [может быть] убит, [когда] убивают тело»[15].

В этом контексте смерть лишь звено в бесконечной цепи бытия, а не окончательная граница. При компаративном прочтении данных традиций, в их свете название повести обретает более глубокий смысл и выходит за рамки буквального толкования, обозначая событие становления, а не просто прекращения жизни отдельного человека.

Индийская культурология смерти вносит свои коррективы в событие спасения смертного человека, так как не абсолютизирует единство «души» и «тела». А при отсутствии неразрывной связи между «я» и телом само понятие смерти становится эпистемологически поверхностным. Экзистенциальный кризис, переживаемый Иваном Ильичом, может быть истолкован как проявление «авидьи» — невидения истинной природы самости. Смерть здесь не онтологическое уничтожение, а освобождение от телесной формы, мгновение в ритме становления. В этом смысле индийское восприятие названия на хинди «इवान इल्यीच

[14] Брихадараньяка Упанишад // Упанишады: в 3 кн. М.: Наука, 1992. Кн. 1. С. 127.

[15] Катха-упанишад // Упанишады: в 3 кн. Кн. 2. С. 103.

की मृत्यु»[16] («Ivan Ilyich ki mrityu» — «Иван Ильич ки Мритью») уже изначально модулировано пониманием смерти как перехода, а не как катастрофы. Такое видение допускает семантическую легкость в восприятии названия, тогда как русская версия — «Смерть Ивана Ильича» — на поверхности несет в себе семантическую тяжесть и лишь на религиозной глубине открывает перспективу преображения и бессмертия.

Таким образом, когда индийский читатель встречает слово «смерть» в переводном названии, например, «Иван Ильич ки Мритью», часто возникает предвосхищающая мортальный финал смысловая компенсация: предполагается, что смерть приведет к чему-то — будь то продолжение, кармическое следствие или освобождение. Она может даже нести сотериологическую надежду, особенно если ей предшествует страдание, как в случае с нравственно-духовным пробуждением Ивана Ильича. Даже без явного религиозного подтекста индийская рецепция названия склоняется к трансформирующему смерть восприятию. Русское православное сознание кодирует смерть не просто как прекращение жизни, а как критический момент Божиего суда и преддверие либо спасения, либо гибели — рая или ада. Таким способом христианское семантическое поле «смерть» несет в себе двойную нагрузку: с одной стороны, указывает на телесную «финальность», с другой — содержит нравственно-эсхатологическое духовно-душевно-телесное изменение — воскресение.

Воскресение в христианстве — это не безличное возвращение, а преображение конкретной личности в божественный свет по примеру Христа и чаяние «в воскресение мертвых». Об этом проникновенно пишет апостол Павел:

> «И как человекам положено однажды умереть, а потом суд, так и Христос, однажды принеся Себя в жертву, чтобы подъять грехи многих, во второй раз явится не *для очищения* греха, а для ожидающих Его спасения» (Евр. 9: 27–28).

[16] लयेफ़ तलस्तोय. इवान इल्यीच की मृत्यु / अनुवाद भीष्म साहनी. दिल्ली: कामगार प्रकाशन, 2024. पृ. 142–221 / Leo Tolstoy. Ivan Ilyich ki Mrityu [Death of Ivan Ilyich] / transl. Bhisham Sahni. Delhi: Kamgar, 2024. P. 142–221. / Толстой Л. Н. Смерть Ивана Ильича / пер. Бхишам Сахни. Дели: Камгар, 2024. С. 142–221. (In Hindi).

Однако Толстой вслед за индийской традицией не абсолютизирует связь душевного и телесного, отрицает личностное телесное воскресение. Для него, как пишет В. В. Зеньковский, «*бессмертны не отдельные личности, а человечество,* сознавшее себя "сыном Божиим"» [Зеньковский: 35].

Для Толстого более значимо пантеистическое содержание христианства. На такой пантеистический эффект, обличая Толстого, указывает С. Д. Маргаритов: «Употребляя христианские термины: "Бог Отец", "Сын Божий", "Сын человеческий", Толстой соединяет с ними смысл пантеистический. Бог понимается им не как единый, личный Творец и Промыслитель мира, а как жизненная сила, разлитая всюду, как сущность жизни» [Маргаритов: 214].

Толстой в национальных — русской и индийской — духовных традициях берет общее, то, что сближает христианство и индийское мироощущение, а именно: почитание христианством личной уникальности души и признание индийским умонастроением непрерывности атмана, вечного начала, с которым до тождества, до неразличия соединен человек.

Растворение личности в потоке бытия, как оно мыслится в индуизме, с христианской точки зрения является отрицанием и греха, и благодати, так как исключает тело в деле спасения. Христианское богословие оспаривает такой беспросветный «финализм», подобное завершение.

В вопросе спасения смертного человека Толстой следует христианской традиции только наполовину: по Толстому, «облачается в бессмертие» не целостный человек, не душа и тело, а лишь душа [Толстой; т. 23: 391–393]. Смерть Ивана Ильича — это не «тридневие», венчающееся воскресением, как оно закреплено в догмате Церкви, в Символе веры, а обретение подлинности путем кенозиса — опустошения — того состояния, которое готовит душу к благодати. Только такая экзистенциальная конфронтация со смертью открывает онтологическую возможность для новой жизни в другом не знающем обременений измерении.

Таким способом повесть Толстого даже своим названием пробуждает диалектическое взаимодействие двух семантических систем и культурных традиций. В русском христианском

контексте финальность «смерти» восполняется эсхатологическим обещанием воскресения. В индийском духовном представлении «смерть» всегда частична, лишь «эпизод» в череде жизней и «неуничтожений»: она несет в себе имплицитное «продолжение». В результате функционирования в пространстве русской и индийской культур названия повести «Смерть Ивана Ильича» происходит то, что можно назвать духовно-семантической компенсацией: философско-религиозные рамки каждой культуры возвращают слову «смерть» «спасительные» смыслы и вместе с тем духовные переживания, выходящие за рамки значений о телесной завершенности.

Эта компенсация происходит не за счет отрицания смерти, а за счет ее включения в плодотворное поле национальных культур, и, хотя понятийно-гносеологические предпосылки различаются, обе традиции как христианская, так и индийская преодолевают буквальное значение смерти, придавая ей трансцендентный смысл. В этом свете название повести функционирует как парадокс: оно называет конец, но жестикулирует в сторону смыслов, которые начинаются только там, где признается смерть. В русском христианском контексте имена Ивана Ильича созвучны покаянию, пророчеству и воскресению. Однако при переводе на хинди название начинает резонировать с дополнительными смыслами — трансформацией или освобождением.

С другой стороны, изображение Толстым жизни Ивана Ильича как пространства социального и семейного обмана и лицемерия, а процесса умирания как освобождения от иллюзий жизни воспринимается индийским читателем как узнаваемое и близкое по метафизическому измерению событие. Художественное сознание Толстого в рамках оригинальной русской традиции запечатлело то, что эквивалентно в хинди-переводе получило отражение в названии повести — «मरघट की ओर»[17] («Маргхат ки ор» — «К крематорию»). Автором

[17] लियो टॉलस्टॉय. मरघट की ओर अनुवाद रामनारायण अग्रवाल. दिल्ली, अंजलि प्रकाशन, 1956. पृ. 87. / Leo Tolstoy. Marghat ki or [To the crematorim] / transl. Ramnarayan Agrawal. Delhi: Anjali, 1956. 87 p. / Толстой Л. Н. Смерть Ивана Ильича / пер. Р. Агравал Дели: Анджали, 1956. 87 с. [Электронный ресурс]. URL: https://epustakalay.com/book/42439-marghat-ki-or-by-ram-narayan-agrawal (23.03.2026). (In Hindi).

необычного для русских читателей перевода названия повести Толстого на хинди является Рамнараян Агравал (रामनारायण अग्रवाल — Ramnarayan Agrawal).

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что в индуистской традиции кремация считается последним ритуалом, освобождающим тело умершего: огонь выступает высшей очищающей силой, высвобождая материальное бытие, соединяя очищенное с духовным освобождением:

> «Когда исчезают все желания, которые обитают в его сердце, / То смертный становится бессмертным и достигает здесь Брахмана. / <…> …это бесплотное, бессмертное дыхание и есть Брахман, и есть свет»[18].

По сути название на хинди «Маргхат ки ор» символически обозначает путь человеческой жизни от воплощенной формы к духовному растворению-обретению.

Итак, существует два разных варианта перевода названия повести «Смерть Ивана Ильича» на хинди. Один — почти дословный перевод как «Ivan Ilyich ki Mrityu» — сохраняет толстовский заголовок почти слово в слово. Другой — выходит под выразительным названием «К крематорию», актуализирующим для индийского читателя ожидание культурно-ритуального события. Но тот и другой перевод названия повести включают в себя в семантически закодированной форме «сюжет спасения», который и «влечет» героя к «высшему очищению»: к освобождению и души, и тела.

Художественное сознание Толстого позднего периода творчества, по истоку аксиологически скрепленное с христианской традицией, но синтезирующее метафизические откровения разных культур, стремящееся к духовному универсализму, преодолевает национальные и культурные границы. Реалистичность жизненной ситуации Ивана Ильича, внимание к нравственным и психологическим деталям, этический ракурс смерти обеспечивают возможность транскультурного восприятия. Двойная чуткость переводчика на хинди как к социально-психологическим деталям и к процессу преображения Ивана Ильича, так и к индийским ритуальным, философским

[18] Брихадараньяка Упанишад… С. 126.

и этическим контекстам, которые актуализируются в связи с названием повести «К крематорию» (Маргхат ки ор), создает почву индийскому читателю органично воспринимать содержание произведения, его социальные и метафизические смыслы. Тем самым обнаруживается возможность и способность такого художественного сознания, которое запечатлено в повести Толстого, функционировать вне исходных национально-культурных рамок.

В результате диалога национальных точек зрения (аксиологий онтологического порядка) мы приходим к транскультурной герменевтике смертности, к пониманию, в свете которого смерть предстает как бездна и как порог, как место кризиса и как источник жизнеутверждающего смысла. «Смерть Ивана Ильича» Толстого — это не просто психологический портрет умирающего человека или социальная критика чиновничьего сословия в присутствии смерти, но и богословская притча, о сути которой говорится в Евангелии от Матфея:

> «Кто имеет уши слышать, да слышит! И, приступив, ученики сказали Ему: для чего притчами говоришь им? Он сказал им в ответ: для того, что вам дано знать тайны Царствия Небесного, а им не дано <…>. …ибо огрубело сердце людей сих и ушами с трудом слышат, и глаза свои сомкнули, да не увидят глазами и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и да не обратятся, чтобы Я исцелил их» (Мф. 13:9–11, 15).

Как видим, название повести Толстого «Смерть Ивана Ильича» обманчиво просто: на первый взгляд в заголовок вынесена обычная и будничная констатация факта смерти героя[19]. Но уже название становится отправной точкой философского и теологического плодотворного диалога между русской и индийской культурами. Благодаря своей переводимости и многозначности название становится пространством теологической и философской конвергенции, где спасительные смыслы, рожденные в разных культурах духовной практикой надежд и обетований, компенсируют «мортальное» значение

[19] Повесть начинается с подтверждения «заголовочного» факта. Сослуживцы узнают о смерти своего коллеги из «только что поданных "Ведомостей"»: «…Иван Ильич-то умер» [Толстой; т. 26: 61].

слова «смерть». В обеих традициях смерть не последнее слово и действие.

Затекстовая «излишняя» подробность, указывающая на то, когда была написана повесть — 25 марта 1886 г. — выдает желание Толстого актуализировать не только день рождения повести (ведь она написана не за один день), но и в большей степени — праздник Благовещения Пресвятой Богородицы, суть которого созвучна потаенным и открывающимся сверхсмыслам названия повести, ее духовного содержания: ведь в этот день архангел Гавриил принес Деве Марии благую весть о спасительном рождении для всего человечества Сына Божия: «Дух Святый найдет на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя…» (Лк. 1:35). Так «потаенная весть», содержащаяся в названии «по-вести», совпадает с благовествованием о рождении Сына Божия, — и тем самым не только утверждает его «вершинную ценность в иерархически организованной системе» текста, но и открывает внетекстовую возможность в пространстве родственных культур при осмыслении базовых концептов повести исходить в первую очередь из духовных традиций толкования Священных текстов и из спасительного опыта предков.

Список литературы

1. Андреева В. Г. Повесть Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича»: изменение концепции от первоначального замысла к итоговому тексту // Вестник Череповецкого государственного университета. 2022. № 3 (108). С. 77–89 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_48615478_55871713.pdf (24.05.2026). DOI: 10.23859/1994-0637-2022-3-108-6. EDN: TBSHDW
2. Андрианова И. С., Тихомиров Б. Н. Неизвестный источник о пребывании Ф. М. Достоевского в Оптиной Пустыни // Достоевский и мировая культура: альманах. СПб.: Серебряный век, 2019. № 37. С. 249–261.
3. Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: сб. ст. М.: Флинта, 2019. С. 448. (Сер.: Стилистическое наследие.)
4. Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); редкол.: Н. Ф. Бельчиков (гл. ред.) и др. М.: Изд-во АН СССР, 1953. Т. 3: Статьи и рецензии. Пятидесятилетний дядюшка: [драма в 5-ти д.]: 1839–1840. 682 с.
5. Веселова Н. А. Заглавие литературно-художественного текста: антология и поэтика: дис. … канд. филол. наук. Тверь, 1998. 234 с. EDN: MCMVJA
6. Воронин В. С. Взаимопревращения пространства и времени в повести Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» // Грани познания. 2022.

№ 1 (78). С. 4–8 [Электронный ресурс]. URL: http://grani.vspu.ru/files/publics/1645623216.pdf (24.05.2026). EDN: ZBMCXC
7. Геккель Э. Мировые загадки. Общедоступные очерки по монистической философии: с послесловием «Исповедание чистого разума»: Приложения: портрет и автограф автора и статья проф. А. Ланга. Лейпциг: А. Миллер; СПб.: Мысль, 1906. 227 с.
8. Гладышев А. К. Интерпретация мотива смерти в повести Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» // Уральский филологический вестник. Серия: Драфт: молодая наука. 2013. № 5. С. 53–63 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_21141026_32146737.pdf (24.05.2026). EDN: RUQJBV
9. Гроссман Л. П. «Смерть Ивана Ильича». История писания и печатания // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Юбилейное издание (1828–1928) / под общ. ред. В. Г. Черткова; при участии ред. комитета в составе: А. Е. Грузинского, Н. К. Гудзия, Н. Н. Гусева [и др.]. М.: ГИХЛ, 1936. Т. 26: Произведения 1885–1889. С. 679–691.
10. Гусейнов А. А. Чем был обусловлен и в чем заключался духовный переворот Льва Николаевича Толстого? // Философский журнал. 2015. Т. 8. № 4. С. 5–14 [Электронный ресурс]. URL: https://pj.iphras.ru/article/view/103/62 (24.05.2026). EDN: VMLOVP
11. Есаулов И. А. Русская классика: новое понимание. СПб.: Алетейя, 2012. 448 с. EDN: SUEQPL
12. Жиляков С. В., Иванов П. П. Экзистенциальная тема смерти в повести Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» // Наука и образование: отечественный и зарубежный опыт: 14-я Междунар. науч.-практ. конф.: сб. ст. (г. Белгород, 28 сентября 2018 г.). Белгород: ГиК, 2018. С. 255–259 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_36780838_47191140.pdf (24.05.2026). EDN: YTXKEX
13. Жуков Е. А. О том, как «сделана» повесть Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» // Толстовский сборник — 2008. Л. Н. Толстой — это целый мир: мат-лы XXXI Междунар. Толстовских чтений, посвященных 180-летию со дня рождения Л. Н. Толстого: в 2 ч. Тула: Изд-во Тульского гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2008. Ч. 1. С. 204–209.
14. Захаров В. Н. Русская литература и христианство // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1994. Вып. 3. С. 5–11 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/journal/article.php?id=2370 (24.05.2026). EDN: RUYJPT
15. Захаров В. Н. Осанна в горниле сомнений // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 18 т. / науч. ред. проекта проф. В. Н. Захаров; сост., подгот. текстов В. Н. Захарова. М.: Воскресенье, 2004. Т. 14: Роман «Братья Карамазовы», 1879–1880 гг. С. 345–357.
16. Захаров В. Н. Имя автора — Достоевский: очерк творчества. М.: Индрик, 2013. 456 с. EDN: UCOKYJ
17. Захаров В. Н. Идея этнопоэтики в современных исследованиях // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 3. С. 7–19 [Электронный

ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1593805089.pdf (24.05.2026). DOI: 10.15393/j9.art.2020.8382. EDN: IFROFH
18. Захаров В. Н. «Смерть можно будет побороть…» (танатологический сюжет в «Братьях Карамазовых» Достоевского) // Неизвестный Достоевский. 2022. Т. 9. № 4. С. 30–43 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1670693360.pdf (24.05.2026). DOI: 10.15393/j10.art.2022.6361. EDN: ZHBAVO
19. Зеньковский В. В. Проблема бессмертия у Л. Н. Толстого // О религии Льва Толстого. М.: Тип. Имп. Моск. ун-та, 1912. Сб. 2. С. 27–58 [Электронный ресурс]. URL: https://dir.orenlib.ru/_2026/flashbook/after1850/O%20religii/mobile/index.html#p=34 (24.05.2026).
20. Зырянов О. В. Проблемно-методологическое поле современной этнопоэтики // Филологический класс. 2019. № 1 (55). С. 8–15 [Электронный ресурс]. URL: https://filclass.ru/archive/2019/1-55 (24.05.2026). DOI: 10.26170/FK19-01-01. EDN: IBHTPN
21. Казак В. «Да, смерть — пробуждение!» // Новый Журнал. 2003. № 232 [Электронный ресурс]. URL: https://magazines.gorky.media/nj/2003/232/da-smert-8211-probuzhdenie.html (24.05.2026).
22. Касавина Н. А. В разомкнутости «собственного» бытия (на примере повести Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича») // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2021. Т. 4. № 2. С. 83–106 [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_47145600_47509744.pdf (24.05.2026). DOI: 10.32326/2618-9267-2021-4-2-83-106. EDN: KHHINH
23. Кольцова Л. М. Заголовок в структуре художественного текста // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. № 2. С. 6–19 [Электронный ресурс]. URL: https://cchgeu.ru/upload/science/nauchnye-izdaniya/lingvistika-i-mezhkulturnaya-kommunikatsiya/Вестник%2002%20(2007).pdf (24.05.2026). EDN: QZBYRB
24. Кондрашова Ю. В. Экзистенциальная фрустрация и нахождение смысла жизни на примере линии героя повести Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» // Психологические проблемы смысла жизни и акме: сб. мат-лов XXVI Междунар. симпозиума. М.: Психологический институт РАО, 2021. Т. 1. № 1. С. 70–72 [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_45769818_10794808.pdf (24.05.2026). EDN: AYDDFG
25. Королева А. М. Поэтика заглавия: из истории почти 100-летних наблюдений // Журнал филологических исследований. 2022. Т. 7. № 4. С. 55–60 [Электронный ресурс]. URL: https://naukaru.ru/ru/storage/viewWindow/99160 (24.05.2026). EDN: FUAHQH
26. Кржижановский С. Д. Поэтика заглавий. М.: Никитинские субботники, 1931. 32 с.
27. Кумар А. Русско-индийские религиозные коды прочтения повести Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» // Russian Linguistic Bulletin.

2026. № 2 (74) [Электронный ресурс]. URL: https://rulb.org/media/articles/22978.pdf (24.05.2026). DOI: 10.60797/RULB.2026.74.9. EDN: ASYFXD
28. Лосев А. Ф. Философия имени. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2016. 672 с. (Сер.: Философско-богословские сочинения.)
29. Лученецкая-Бурдина И. Ю. Реконструкция художественного целого в повестях Л. Н. Толстого 1880–1890-х гг. // Ярославский педагогический вестник. Серия: Гуманитарные науки. 2014. Т. 1. № 2. С. 188–192 [Электронный ресурс]. URL: https://vestnik.yspu.org/releases/2014_2g/36.pdf (24.05.2026). EDN: SHXGYV
30. Магазаник Э. Б. Ономапоэтика, или «говорящие имена» в литературе. Ташкент: Фан, 1978. 146 с.
31. Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке. М.: Языки русской культуры, 1997. 224 с.
32. Маргаритов С. Д. История русских мистических и рационалистических сект. 3-е изд., испр. и доп. Симферополь: Таврич. губ. тип., 1910. 228 с.
33. Меситова С. А. Этическая танатология Л. Н. Толстого (Толстовский опыт переживания смерти и его нравственно-религиозный смысл): дис. … канд. филос. наук. Тула, 2003. 176 с. EDN: NMGTIL
34. Набоков В. В. Лекции по русской литературе (Чехов, Достоевский, Гоголь, Горький, Толстой, Тургенев). М.: Независимая газ., 1996. 440 с.
35. Назаров В. Н., Меситова С. А. Этические мифологемы смерти. Л. Н. Толстой и русская религиозная танатология XX века // Толстовский сборник–2000: мат-лы XXVI Междунар. Толстовских чтений: в 2 ч. Тула: Изд-во Тульского гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2000. Ч. 2: Духовное наследие Л. Н. Толстого и современность. С. 37–45 [Электронный ресурс]. URL: https://tsput.ru/fb/Archive/Tolstoi_sbor/Толстовский%20сборник%202000г.%20Ч2/37/#zoom=z (24.05.2026).
36. Переверзева Н. А. О символической функции лейтмотивов в повести Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Серия: Филология. 2008. № 1 (9). С. 45–54.
37. Петрова Н. А. Предмет в пространстве между смертью и жизнью (О прозе Алексея Апухтина) // Przegląd Rusycystyczny. 2007. № 2 (118). С. 5–19.
38. Порудоминский В. И. Правила проигранной игры. Карты в повести «Смерть Ивана Ильича» // Толстовский ежегодник. 2003. Тула: Дизайн-Коллегия, 2006. С. 322–336.
39. Потебня А. А. Теоретическая поэтика. М.: Высш. школа, 1990. 344 с. (Сер.: Классика литературной науки.)
40. Радхакришнан С. Индийская философия: в 2 т. М.: Изд-во иностр. лит., 1956. Т. 1. 623 с.
41. Сергеев А. М. Мышление и язык: метафизическое сопряжение: сб. философских эссе. Мурманск: Мурманское книжное изд-во, 2016. 224 с. EDN: YIHNVB

42. Серебряный С. Д. Лев Толстой и буддизм // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2016. Вып. 3. С. 10–24 [Электронный ресурс]. URL: https://journals.bsu.ru/content/articles/353.pdf (24.05.2026). DOI: 10.18101/2305-753X-2016-3-10-24. EDN: XIEQZN
43. Скударь Е. В. Название (заглавие) литературного произведения. Размышления редактора // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2011. № 2. С. 61–68 [Электронный ресурс]. URL: https://vestnik.journ.msu.ru/upload/iblock/6fb/elibrary_17024433_65296609.pdf (24.05.2026). EDN: OIOESV
44. Строганов М. В. Заглавие как проблема исторической поэтики // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19. № 3. С. 53–77 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1633636518.pdf (24.05.2026). DOI: 10.15393/j9.art.2021.9942. EDN: AZJQWM
45. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Юбилейное издание (1828–1928) / под общ. ред. В. Г. Черткова; при участии ред. комитета в составе: А. Е. Грузинского, Н. К. Гудзия, Н. Н. Гусева [и др.]. М.: Худож. лит., 1928–1958.
46. Флоренский П. А. Обратная перспектива // Флоренский П. А. Соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1999. Т. 3 (1). С. 46–101. (Сер.: Философское наследие.)
47. Ханзен-Лёве О. А. В конце туннеля… Смерти Льва Толстого // Новое литературное обозрение. 2011. № 3 (109) [Электронный ресурс]. URL: https://magazines.gorky.media/nlo/2011/3/v-koncze-tunnelya-8230-smerti-lva-tolstogo.html (24.05.2026).
48. Цанова О. В. Динамика развития ипохондрического расстройства в картине патологического нарциссизма у главного героя повести Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» // Журнал клинического и прикладного психоанализа. 2021. Т. 2. № 2. С. 98–108 [Электронный ресурс]. URL: https://psychoanalysis-journal.hse.ru/ru/article/view/12763/12975 (24.05.2026).
49. Шайтанов И. О. Компаративистика и/или поэтика: английские сюжеты глазами исторической поэтики. М.: РГГУ, 2010. 656 с.
50. Шифман А. И. Лев Толстой и Восток. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1971. 550 с.
51. Navokov V. Lectures on Russian Literature / ed. and with an Introduction by Fredson Bowers. [London]: Picador, 1983. 332 p.

References

1. Andreeva V. G. The Short Novel of L. N. Tolstoy “The Death of Ivan Ilyich”: Changing the Concept from the Original Idea to the Final Text. In: *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* [*Cherepovets State University Bulletin*], 2022, no. 3 (108), pp. 77–89. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_48615478_55871713.pdf (accessed on May 24, 2026). DOI: 10.23859/1994-0637-2022-3-108-6. EDN: TBSHDW (In Russ.)

2. Andrianova I. S., Tikhomirov B. N. An Unknown Source About the Stay of F. M. Dostoevsky in Optina Pustyn. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura*: *al'manakh* [*Dostoevsky and World Culture*: *Almanac*]. St. Petersburg, Serebryanyy vek Publ., 2019, no. 37, pp. 249–261. (In Russ.)
3. Arnol'd I. V. *Semantika. Stilistika. Intertekstual'nost'*: *sbornik statey* [*Semantics. Stylistics. Intertextuality*: *Collection of Articles*]. Moscow, Flinta Publ., 2019. 448 p. (Ser.: Stylistic Legacy.) (In Russ)
4. Belinskiy V. G. *Polnoe sobranie sochineniy*: *v 13 tomakh* [*The Complete Works*: *in 13 Vols*]. Moscow, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1953, vol. 3. 682 p. (In Russ.)
5. Veselova N. A. *Zaglavie literaturno-khudozhestvennogo teksta*: *antologiya i poetika*: *dis. … kand. filol. nauk* [*Title of a Literary-Artistic Text*: *Anthology and Poetics. PhD. philol. sci. diss.*]. Tver, 1998. 234 p. EDN: MCMVJA (In Russ.)
6. Voronin V. S. Interconversion of Space and Time in the Short Novel "The Death of Ivan Ilyich" by L. N. Tolstoy. *In: Grani poznaniya [Facets of Knowledge*], 2022, no. 1 (78), pp. 4–8. Available at: http://grani.vspu.ru/files/publics/1645623216.pdf (accessed on May 24, 2026). EDN: ZBMCXC (In Russ.)
7. Haeckel E. *Mirovye zagadki. Obshchedostupnye ocherki po monisticheskoy filosofii*: *s poslesloviem "Ispovedanie chistogo razuma"*: *Prilozheniya*: *portret i avtograf avtora i stat'ya prof. A. Langa* [*World Riddles. Accessible Essays on Monistic Philosophy*: *with an Afterword "Confession of Pure Reason"*: *Appendices*: *A Portrait and Autograph of the Author, and an Article by Professor A. Lang*]. Leipzig, A. Miller Publ., St. Petersburg, Mysl' Publ., 1906. 227 p. (In Russ.)
8. Gladyshev A. K. Interpretation of the Theme of Death in the Short Novel by L. N. Tolstoy "The Death of Ivan Ilyich". In: *Ural'skiy filologicheskiy vestnik. Seriya*: *Draft*: *molodaya nauka* [*Ural Philological Herald. Series*: *Draft*: *Young Science*], 2013, no. 5, pp. 53–63. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_21141026_32146737.pdf (accessed on May 24, 2026). EDN: RUQJBV (In Russ.)
9. Grossman L. P. "The Death of Ivan Ilyich". History of Writing and Publication. In: *Tolstoy L. N. Polnoe sobranie sochineniy*: *v 90 tomakh. Yubileynoe izdanie* (*1828–1928*) [*Tolstoy L. N. The Complete Works*: *in 90 Vols. Anniversary Edition* (*1828–1928*)]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury Publ., 1936, vol. 26, pp. 679–691. (In Russ.)
10. Guseynov A. A. What Did Bring About Leo Tolstoy's Spiritual Conversion and What Did It Consist in? In: *Filosofskiy zhurnal* [*The Philosophy Journal*], 2015, vol. 8, no. 4, pp. 5–14. Available at: https://pj.iphras.ru/article/view/103/62 (accessed on May 24, 2026). EDN: VMLOVP (In Russ.)
11. Esaulov I. A. *Russkaya klassika*: *novoe ponimanie* [*Russian Classics*: *A New Understanding*]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2012. 448 p. EDN: SUEQPL (In Russ.)
12. Zhilyakov S. V., Ivanov P. P. Existential Theme of Death in L. N. Tolstoy's Short Novel "The Death of Ivan Ilyich". In: *Nauka i obrazovanie*: *otechestvennyy i zarubezhnyy opyt*: *14-ya Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya*: *sbornik statey* (*g. Belgorod, 28 sentyabrya 2018 g.*) [*Science*

and Education: *Domestic and International Experience*: *14th International Scientific and Practical Conference*: *Collection of Articles* (*Belgorod, September 28, 2018*)]. Belgorod, GiK Publ., 2018, pp. 255–259. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_36780838_47191140.pdf (accessed on May 24, 2026). EDN: YTXKEX (In Russ.)

13. Zhukov E. A. How the Short Novel of L. N. Tolstoy "The Death of Ivan Ilyich" Was "Made". In: *Tolstovskiy sbornik — 2008. L. N. Tolstoy — eto tselyy mir*: *materialy XXXI Mezhdunarodnykh Tolstovskikh chteniy, posvyashchennykh 180-letiyu so dnya rozhdeniya L. N. Tolstogo*: *v 2 chastyakh* [*Tolstoy Collection — 2008. Leo Tolstoy Is a Whole World*: *Materials from the 31st International Tolstoy Readings, Dedicated to the 180th Anniversary of the Birth of Leo Tolstoy*: *in 2 Parts*]. Tula, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University Publ., 2008, part 1, pp. 204–209. (In Russ.)
14. Zakharov V. N. Russian Literature and Christianity. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1994, issue 3, pp. 5–11. Available at: https://poetica.pro/journal/article.php?id=2370 (accessed on May 24, 2026). EDN: RUYJPT (In Russ.)
15. Zakharov V. N. Hosanna in the Crucible of Doubts. In: *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy*: *v 18 tomakh* [*Dostoevsky F. M. The Complete Works*: *in 18 Vols*]. Moscow, Voskresen'e Publ., 2004, vol. 14, pp. 345–357. (In Russ.)
16. Zakharov V. N. *Imya avtora — Dostoevskiy*: *ocherk tvorchestva* [*The Author's Name Is Dostoevsky*: *An Essay on Creative Work*]. Moscow, Indrik Publ., 2013. 456 p. EDN: UCOKYJ (In Russ.)
17. Zakharov V. N. The Idea of Ethnopoetics in Contemporary Research. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*], 2020, vol. 18, no. 3, pp. 7–19. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1593805089.pdf (accessed on May 24, 2026). DOI: 10.15393/j9.art.2020.8382. EDN: IFROFH (In Russ.)
18. Zakharov V. N. "Death Itself May be Overcome…" (Thanatological Plot in "The Brothers Karamazov" by Dostoevsky). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2022, vol. 9, no. 4, pp. 30–43. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1670693360.pdf (accessed on May 24, 2026). DOI: 10.15393/j10.art.2022.6361. EDN: ZHBAVO (In Russ.)
19. Zen'kovskiy V. V. The Problem of Immortality in the Works of Leo Tolstoy. In: *O religii L'va Tolstogo* [*On Leo Tolstoy's Religion*]. Moscow, tipografiya Imperatorskogo Moskovskogo universiteta Publ., 1912, collection 2, pp. 27–58. Available at: https://dir.orenlib.ru/_2026/flashbook/after1850/O%20religii/mobile/index.html#p=34 (accessed on May 24, 2026). (In Russ.)
20. Zyryanov O. V. Problems and Methods of Modern Ethnopoetics. In: *Filologicheskiy klass* [*Philological Class*], 2019, no. 1 (55), pp. 8–15. Available at: https://filclass.ru/archive/2019/1-55 (accessed on May 24, 2026). DOI: 10.26170/FK19-01-01. EDN: IBHTPN (In Russ.)
21. Kazak V. "Yes, Death Is Awakening!". In: *Novyy Zhurnal* [*New Journal*], 2003, no. 232. Available at: https://magazines.gorky.media/nj/2003/232/da-smert-8211-probuzhdenie.html (accessed on May 24, 2026). (In Russ.)

22. Kasavina N. A. In the Openness of "Own" Being (on the Example of Leo Tolstoy's Short Novel "The Death of Ivan Ilyich"). In: *Tsifrovoy uchenyy*: *laboratoriya filosofa* [*The Digital Scholar*: *Philosopher's Lab*], 2021, vol. 4, no. 2, pp. 83–106. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_47145600_47509744.pdf (accessed on May 24, 2026). DOI: 10.32326/2618-9267-2021-4-2-83-106. EDN: KHHINH (In Russ.)
23. Kol'tsova L. M. The Role of Headline in Structure of Fiction Texts. In: *Nauchnyy vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Seriya*: *Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [*Scientific Newsletter Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Series*: *Linguistics and Cross-Cultural Communication*], 2007, no. 2, pp. 6–19. Available at: https://cchgeu.ru/upload/science/nauchnye-izdaniya/lingvistika-i-mezhkulturnaya-kommunikatsiya/Вестник%2002%20(2007).pdf (accessed on May 24, 2026). EDN: QZBYRB (In Russ.)
24. Kondrashova Yu. V. Existential Frustration and Raison d'etre Identification as Illustrated by L. N. Tosltoy the Character Line in the Short Novel "The Death of Ivan Ilyich". In: *Psikhologicheskie problemy smysla zhizni i akme*: *sbornik materialov XXVI Mezhdunarodnogo simpoziuma* [*Psychological Problems of the Meaning of Life and Acme*: *A Collection of Materials of the 26th International Symposium*]. Moscow, Psychological Institute of the Russian Academy of Education Publ., 2021, vol. 1, no. 1, pp. 70–72. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_45769818_10794808.pdf (accessed on May 24, 2026). EDN: AYDDFG (In Russ.)
25. Koroleva A. M. Poetics of Title: From the History of Almost-a-Century of Scholarly Observations. In: *Zhurnal filologicheskikh issledovaniy* [*The Journal of Philological Studies*], 2022, vol. 7, no. 4, pp. 55–60. Available at: https://naukaru.ru/ru/storage/viewWindow/99160 (accessed on May 24, 2026). EDN: FUAHQH (In Russ.)
26. Krzhizhanovskiy S. D. *Poetika zaglaviy* [*Poetics of Titles*]. Moscow, Nikitinskie subbotniki Publ., 1931. 32 p. (In Russ.)
27. Kumar A. Russian-Indian Religious Codes for Reading L. N. Tolstoy's Short Novel "The Death of Ivan Ilyich". In: *Russian Linguistic Bulletin*, 2026, no. 2 (74). Available at: https://rulb.org/media/articles/22978.pdf (accessed on May 24, 2026). DOI: 10.60797/RULB.2026.74.9. EDN: ASYFXD (In Russ.)
28. Losev A. F. *Filosofiya imeni* [*The Philosophy of the Name*]. St. Petersburg, Oleg Abyshko Publ., 2016. 672 p. (Ser.: Philosophical and Theological Writings.) (In Russ.)
29. Luchenetskaya-Burdina I. Yu. Reconstruction of Art Whole in L. N. Tolstoy's Short Novels of 1880–1890. In: *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik. Seriya*: *Gumanitarnye nauki* [*Yaroslavl Pedagogical Bulletin. Series*: *Humanities*], 2014, vol. 1, no. 2, pp. 188–192. Available at: https://vestnik.yspu.org/releases/2014_2g/36.pdf (accessed on May 24, 2026). EDN: SHXGYV (In Russ.)
30. Magazanik E. B. *Onomapoetika, ili "govoryashchie imena" v literature* [*Onomapoetics, or "Speaking Names" in Literature*]. Tashkent, Fan Publ., 1978. 146 p. (In Russ.)

31. Mamardashvili M. K., Pyatigorskiy A. M. *Simvol i soznanie. Metafizicheskie rassuzhdeniya o soznanii, simvolike i yazyke* [*Symbol and Consciousness. Metaphysical Reflections on Consciousness, Symbolism, and Language*]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1997. 224 p. (In Russ.)
32. Margaritov S. D. *Istoriya russkikh misticheskikh i ratsionalisticheskikh sekt* [*History of Russian Mystical and Rationalist Sects*]. 3rd ed., revised and supplemented. Simferopol, Tavricheskaya gubernskaya tipografiya Publ., 1910. 228 p. (In Russ.)
33. Mesitova S. A. *Eticheskaya tanatologiya L. N. Tolstogo* (*Tolstovskiy opyt perezhivaniya smerti i ego nravstvenno-religioznyy smysl*): *dis. ... kand. filos. nauk* [*L. N. Tolstoy's Ethical Thanatology* (*Tolstoy's Experience of Confronting Death and Its Moral-Religious Significance*). *PhD. philos. sci. diss.*]. Tula, 2003. 176 p. EDN: NMGTIL (In Russ.)
34. Nabokov V. V. *Lektsii po russkoy literature* (*Chekhov, Dostoevskiy, Gogol', Gor'kiy, Tolstoy, Turgenev*) [*Lectures on Russian Literature* (*Chekhov, Dostoevsky, Gogol, Gorky, Tolstoy, Turgenev*)]. Moscow, Nezavisimaya gazeta Publ., 1996. 440 p. (In Russ.)
35. Nazarov V. N., Mesitova S. A. Ethical Mythologemes of Death. L. N. Tolstoy and Russian Religious Thanatology of the 20th Century. In: *Tolstovskiy sbornik–2000*: *materialy XXVI Mezhdunarodnykh Tolstovskikh chteniy*: *v 2 chastyakh* [*Tolstoy Collection–2000*: *Materials of the 26th International Tolstoy Readings*: *in 2 Parts*]. Tula, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University Publ., 2000, part 2: The Spiritual Heritage of L. N. Tolstoy and Contemporary Times, pp. 37–45. Available at: https://tsput.ru/fb/Archive/Tolstoi_sbor/Толстовский%20сборник%202000г.%20Ч2/37/#zoom=z (accessed on May 24, 2026). (In Russ.)
36. Pereverzeva N. A. On the Symbolic Function of Leitmotivs in L. N. Tolstoy's Short Novel "The Death of Ivan Ilyich". In: *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* [*Pushkin Leningrad State University Journal*], 2008, no. 1 (9), pp. 45–54. (In Russ.)
37. Petrova N. A. The Object in the Space Between Death and Life (On the Prose of Alexei Apukhtin)]. In: *Przegląd Rusycystyczny*, 2007, no. 2 (118), pp. 5–19. (In Russ.)
38. Porudominskiy V. I. The Rules of the Lost Game. Cards in the Short Novel "The Death of Ivan Ilyich". In: *Tolstovskiy ezhegodnik. 2003* [*Tolstovsky Yearbook. 2003*]. Tula, Dizayn-Kollegiya Publ., 2006, pp. 322–336. (In Russ.)
39. Potebnya A. A. *Teoreticheskaya poetika* [*Theoretical Poetics*]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1990. 344 p. (Ser.: Classics of Literary Studies.) (In Russ.)
40. Radhakrishnan S. *Indiyskaya filosofiya*: *v 2 tomakh* [*Indian Philosophy*: *in 2 Vols*]. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoy literatury Publ., 1956, vol. 1. 623 p. (In Russ.)
41. Sergeev A. M. *Myshlenie i yazyk*: *metafizicheskoe sopryazhenie*: *sbornik filosofskikh esse* [*Thinking and Language*: *A Metaphysical Junction*: *A Collection of Philosophical Essays*]. Murmansk, Murmanskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 2016. 224 p. EDN: YIHNVB (In Russ.)

42. Serebryanyy S. D. Leo Tolstoy and Buddhism. In: *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya Vnutrenney Azii* [*BSU Bulletin. Humanities Research of Inner Asia*], 2016, issue 3, pp. 10–24. Available at: https://journals.bsu.ru/content/articles/353.pdf (accessed on May 24, 2026). DOI: 10.18101/2305-753X-2016-3-10-24. EDN: XIEQZN (In Russ.)
43. Skudar' E. V. Title of Work of Fiction. Editor's Reflections. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10*: *Zhurnalistika*, 2011, no. 2, pp. 61–68. Available at: https://vestnik.journ.msu.ru/upload/iblock/6fb/elibrary_17024433_65296609.pdf (accessed on May 24, 2026). EDN: OIOESV (In Russ.)
44. Stroganov M. V. The Title as a Problem of Historical Poetics. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*], 2021, vol. 19, no. 3, pp. 53–77. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1633636518.pdf (accessed on May 24, 2026). DOI: 10.15393/j9.art.2021.9942. EDN: AZJQWM (In Russ.)
45. Tolstoy L. N. *Polnoe sobranie sochineniy*: *v 90 tomakh. Yubileynoe izdanie* (*1828–1928*) [*The Complete Works*: *in 90 Vols. Anniversary Edition* (*1828–1928*)]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1928–1958. (In Russ.)
46. Florenskiy P. A. An Inverse Perspective. In: *Florenskiy P. A. Sochineniya*: *v 4 tomakh* [*Florensky P. A. Writings*: *in 4 Vols*]. Moscow, Mysl' Publ., 1999, vol. 3 (1), pp. 46–101. (Ser.: Philosophical Legacy.) (In Russ.)
47. Hansen-Löve A. A. At the End of the Tunnel… The Deaths of Leo Tolstoy. In: *Novoe literaturnoe obozrenie* [*New Literary Observer*], 2011, no. 3 (109). Available at: https://magazines.gorky.media/nlo/2011/3/v-koncze-tunnelya-8230-smerti-lva-tolstogo.html (accessed on May 24, 2026). (In Russ.)
48. Tsanova O. V. The Dynamics of the Hypochondriacal Disorder Development in the Picture of Pathological Narcissism of the Main Character in Tolstoy's Short Novel "The Death of Ivan Ilyich". In: *Zhurnal klinicheskogo i prikladnogo psikhoanaliza* [*Journal of Clinical and Applied Psychoanalysis*], 2021, vol. 2, no. 2, pp. 98–108. Available at: https://psychoanalysis-journal.hse.ru/ru/article/view/12763/12975 (accessed on May 24, 2026). (In Russ.)
49. Shaytanov I. O. *Komparativistika i/ili poetika: angliyskie syuzhety glazami istoricheskoy poetiki* [*Comparative Studies and/or Poetics. English Literature Through the Eyes of Historical Poetics*]. Moscow, The Russian State University for the Humanities Publ., 2010, 656 p. (In Russ.)
50. Shifman A. I. *Lev Tolstoy i Vostok* [*Leo Tolstoy and the East*]. 2nd ed., revised and supplemented. Moscow, Nauka Publ., 1971. 550 p. (In Russ.)
51. Navokov V. *Lectures on Russian Literature*. London, Picador Publ., 1983. 332 p. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Карпенко Геннадий Юрьевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет им. академика С. П. Королева (Московское шоссе, 34, г. Самара, Российская Федерация, 443086); ORCID: https://orcid.org/0000-0002-7325-2802; e-mail: karpenko.gennady@gmail.com.

Gennady Yu. Karpenko, PhD (Philology), Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara National Research University Named After Academician S. P. Korolev (Moskovskoe shosse 34, Samara, 443086, Russian Federation); ORCID: https://orcid.org/0000-0002-7325-2802; e-mail: karpenko.gennady@gmail.com.

Кумар Анураг (Нью-Дели, Индия), аспирант кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева (Московское шоссе, 34, г. Самара, Российская Федерация, 443086); ORCID: https://orcid.org/0009-0001-5211-8858; e-mail: anuragkmonu@gmail.com.

Anurag Kumar (New Delhi, India), Graduate Student of the Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara National Research University Named After Academician S. P. Korolev (Moskovskoe shosse 34, Samara, 443086, Russian Federation); ORCID: https://orcid.org/0009-0001-5211-8858; e-mail: anuragkmonu@gmail.com.

Поступила в редакцию / Received 10.06.2026
Поступила после рецензирования и доработки / Revised 15.09.2026
Принята к публикации / Accepted 17.09.2026
Дата публикации / Date of publication 18.11.2026